

делает. Все перипетии разворачиваются на фоне танцев фей, волн и рыбаков, исполняемых балетной труппой. Моя роль к балету не имела никакого отношения, что мне и было интересно. До мельчайших нюансов проработанную, очень гибкую, как бы переливающуюся пластику традиционного японского театра — вот что мне хотелось попробовать. Мне, правда, сказали: такое ощущение, что она у вас в крови. Высшей похвалой были слова Щедрина, пожалуй, самого строгого, хоть и небеспрестрастного моего судьи: «Ты меня удивила.» А это я очень люблю — удивлять.

— Менялось ли как-то на протяжении последних лет Ваше внутреннее мироощущение?

— Вы знаете, я довольно буквально воспринимаю эти слова: «ощущение мира»... Система взглядов, каких-то человеческих ценностей сложилась уже очень давно — чего бы это ей вдруг менялось? Но каждое соприкосновение с внешним миром, события, в нем происходящие, вызывают какую-то реакцию, какое-то непосредственное — и нередко сильное — ощущение. Например, сталкиваясь с обманом, клеветой, мошенничеством, всякий раз удивляюсь, как в первый, словно никогда и не подозревала, что мир не без плохих людей. Если говорить о совокупном, обобщенном ощущении, поражает количество клеветников и проходимцев. Написав свою книгу, я по наивности подумала, что теперь все точки над «и» расставлены раз и навсегда, что знаменитое ахматовское «И всюду клевета сопутствовала мне...» ко мне будет уже неприменимо. Куда там! Ахматова была права: это никогда не кончится. Тем ценнее и радостнее встречи с достойными и доброжелательными людьми. На такие встречи везет меньше, зато испытываемые положительные эмоции куда сильнее и долговечнее негативных. Ведь даже если не можешь забыть плохое, стараешься по крайней мере его «не пережевывать», а хорошему отдаешься целиком, и душа сама заботится о том, чтобы сохранить его в себе.

— Какие события, происходившие в мире в последнее время, вызвали у Вас наиболее сильную реакцию?

— Я, можно сказать, с детства целенаправленно борюсь за мир. Одной из первых моих ролей — еще в первом классе — была роль китайца (имелся в виду Чан Кайши) в якобсоновском номере «Конференция по разоружению». Когда я стала взрослой и знаменитой, ко мне начали обращаться газеты с просьбой откликнуться на те или иные «разоружение» инициативы наших властей. Время идет, перестают существовать режимы, казавшиеся вечными, но никакие мирные инициативы, конференции и балетные номера не могут заставить людей действительно разоружиться. Чисто умозрительно это, конечно, не воспринимается как нечто из ряда вон выходящее, но каждое сообщение о том, что где-то в мире опять начались военные действия, не могут не вызывать как минимум тоскливого недоумения. Я никогда не воспринимала новости отстраненно, только как новости. Если думаешь, что раз что-то происходит не с тобой, то тебе до этого и дела нет, зачем тогда вообще открывать газету или включать телевизор? Масштабы человеческих трагедий потрясают. Бомбежка Югославии, гибель «Курска», бесконечные взрывы на мирной территории... Но, конечно, самое страшное — убедиться в том, что чужой беды действительно не бывает, что тебе на самом деле никто не обещал, что горе обойдет тебя стороной. Среди семерых сразу погибших во время взрыва в подземном переходе на Пушкинской площади был человек, очень близкий нашей семье. Мы тяжело переживаем эту утрату.

— Раз уж у нас сегодня зашла речь о пьесе Сартра, не могли бы Вы высказать свое отношение к знаменитой «формуле» из этой пьесы — «Ад — это другие»?

— Ад — это, конечно, ты сам. Твоя проклятая бессонница, которая пробуждает самые невеселые мысли, заставляет тревожиться, копаться в себе, мучиться раскаяниями и угрызениями... Но ведь всегда есть выбор — не хочешь быть пленником, постарайся отпереть дверь и выбраться. Разберись в себе сам, и не страшно будет увидеть свое отражение в глазах другого. Если же вы имеете в виду чисто внешнюю применимость этой формулы к моей жизни, то... Я не сделала такого вывода. Конечно, мне мешали, чинили всяческие препятствия, много попортили крови и нервов. Но были ведь у меня и верные, надежные друзья, которые помогали, поддерживали, без которых, как ни велика была моя способность сопротивляться и добиваться поставленной цели, я бы не выстояла. Так что они очень все разные, эти «другие».

— Каковы Ваши постыдилейные планы?

— На протяжении всей жизни планы довольно часто возникали внезапно. А сейчас — тем более. Человеку, которому исполняется, скажем так, побольше, чем шестнадцать, принято желать дожить до ста лет. А я в таком духе отвечу Вам: отметив этот юбилей, надеюсь отметить следующий, потом еще один, и еще... И так далее.

Линия - 2000 - 11 - С. 11 - 12

Беседовала Наталья ШАДРИНА

